

Корни

Кто были мои предки? По мере того, как я вырос, это стало вызывать жгучий интерес: люди вообще, в большинстве своём, интересны, а тут родня! И совсем ведь другое время, другие условия... Я расспрашивал родителей, бабушек и дедушек, но мои изыскания ограничились прапрадедами и прапрабабками. Всё-таки, это, вероятно, наша русская черта, пренебрежительно относиться к прошлому, жить настоящим, а с некоторых пор и «светлым будущим».

Чернышёв Вадим Ефремович, прадед, происхождением из крестьян, был грамотным и дельным, и потому долгое время служил верой и правдой управляющим имением у симбирского помещика – дворянина Сергея Алексеевича Быстрицкого, старого холостяка. И женат он был на крестьянке Аксинье Михайловне, полуграмотной, но отличавшейся, как говорят, необыкновенной красотой. У них было четверо сыновей, в том числе мой дед Григорий Вадимович, родившийся в 1875 году. Бездетный Быстрицкий взял над ним опеку, и мой дедушка получил двойную фамилию, под которой и прожил почти всю жизнь: Чернышёв-Быстрицкий. Дед окончил Симбирскую гимназию, После гимназии поступил в считавшееся тогда весьма престижным Тверское кавалерийское юнкерское училище и после его окончания получил офицерское звание и персональное дворянство.

Проводя вакации в Симбирске, юнкер познакомился с родовой Олечкой Сабаниной, ухаживаниями добился её расположения и по окончании училища женился. Прослужив какое-то время в Лодзи, дед получил Станислава 3-й степени и вышел в отставку, чтобы зажить семейно в унаследованном имении, называвшемся тогда «экономией». Именице при селе Зимнёнки Карсунского уезда Симбирской губернии было небольшим, но порядки в нём старались поддерживать «как у всех».

Дед с увлечением занимался хозяйством, с домашними делами управлялась постоянная прислуга, а на сезонные сельскохозяйственные работы нанимались подёнщики. Кроме «господской» кухни, была «людская», для подёнщиков. Мой отец рассказывал, как в такое сезонное время он

Нашего автора, москвича Вадима Чернышёва, появившегося на свет в Ульяновске в 1929 году, всегда занимала тайна рождения. Почему люди рождаются с той или иной внешностью, с определённым характером? Чья воля вытаскивает гены далёких предков и вкладывает их в потомков через несколько поколений? Кто награждает новую жизнь совершенно иными, никогда не встречавшимися ранее даже в дальней родне чертами и качествами?

Может быть, учёные и дают свои чёткие, доказанные наукой ответы на эти вопросы. Однако Вадим Борисович имеет свою точку зрения на этот счёт. Он каким-то неизъяснимым чувством ощущает присутствие в жизни чего-то, а точнее Кого-то Непостижимого, кто всё это и определяет. Не меньшую роль автор воспоминаний, озаглавленных «Среда обитания», уделяет также памяти и совершенно солидарен с высказыванием Сомерсета Моэма: «Нужно всё, что помнишь, сохранить не для себя – для всех, особенно для молодёжи». Конечно же, «Мономах» не мог пройти мимо его мемуаров, особенно тех страниц, которые касаются нашего города и области. Воспоминания публикуются в сокращении.

Среда обитания

любил есть с рабочими – в компании с мужиками было вкуснее, чем обед «на скатерти».

Тем не менее, дела в экономии шли туго, имение приходилось закладывать, перезакладывать. Положение поправила мельница: дед, взявши кредит, купил у шведской фирмы «Эрландер» вальцовку, молотильную, в отличие от окрестных мельниц, муку-крупчатку. Помольщики оценили это. Вместе с мельником их принимал карлик Николай Алексеевич Куклин. Он держал на «постоянных парах» ведёрный самовар и угощал ожидавших своего времени помольщиков чаем с баранками.

О Коле Маленьком надо сказать отдельно. Проезжая однажды в жаркое сенокосное время деревней, дед встретил на опустевшей улице молодого мужика-карлика. Тот посетовал, как трудно ему чувствовать себя нахлебником в семье, где все трудятся, а на его долю выпадают какие-то пустяковые выдуманные дела. Дед пожалел его и предложил жить у него: ходить за собаками, набивать папиросные гильзы, снаряжать патроны для охоты... И Коля Маленький с радостью

освободил свою семью и переехал в Зимнёнки. Он вошёл в дом деда и прожил в нём всю жизнь, до глубокой старости.

С началом первой мировой дед был призван в армию. Служил он в Средней Азии и Туркестане, на границе с Афганистаном, в Керках, занимая должность адъютанта уланского полка (так назывался начальник штаба).

Теперь бабушке пришлось хозяйствовать в экономии самой. Небольшая молочно-товарная ферма давала сливочное масло, за которым приезжал оптовый покупатель. Но можно ли было тогда кого-то удивить обычным коровьим маслом? Хозяйка решила поставлять необычное, так называемое «парижское» масло, готовившееся особым способом из кипячёных сливок. По её запросу земство (бесплатно!) прислало в имение инструктора, научившего делать такое масло.

В революционном семнадцатом году на общем собрании полка было решено встать под Красное знамя. Дед подчинился солдатской воле. В дальнейших сложных перипетиях гражданской войны, после возвращения в родные волжские края, его, как он

рассказывал, дважды ставили к стенке: раз белые, за то, что стал «красным», а другой – красные, за то, что он был помещиком и царским офицером. Оба раза его избивали случаи.

В восемнадцатом году в Среднем Поволжье и, в частности, под Карсуном, куда переехали из национализированных Зимнёнок Чернышёвы, вспыхнуло мощное восстание крестьян, недовольных большевиками, получившее название «чапанного восстания». Очевидец происходивших событий, отец рассказывал, как мужики заживо распиливали комиссарских жён, а красноармейцы подняли на штыки ни в чём не повинную пожилую начальницу женской гимназии.

В охваченные эпидемиями годы гражданской войны дед переболел подряд всеми тремя видами тифа и получил осложнение на уши. К началу 1930-х годов он совсем оглох, и я уже знал его только таким.

После окончания гражданской войны и частичной демобилизации Красной Армии в Симбирске был организован так называемый «конский запас» – полувоенная организация повышенной мобилизационной готовности. Дед, бывший улан-конник, был его командиром, а папа – красноармейцем. Другой мой дед, по маме, Лев Иванович Вишневский, служил там же ветеринарным врачом. Вскоре конский запас был расформирован и превращён в Госконюшню.

Семья

Я, по словам матери, дался ей не легко, был «незаконником», т. к. брак родителей не оформлялся, и потому был рождён не в казённом учреждении, а в мезонине собственного дома родителей моей мамы, Льва Ивановича и Елизаветы Владимировны Вишневских. Повитуха Мария Александровна (или Васильевна?) была приглашена на дом. В те самые первые числа апреля всё ещё стояли сильные холода, окна доверху были разрисованы морозом.

Продолжавшийся не один год полусерьёзный юношеский роман моих родителей не помешал отцу жениться на молодой вдове Наталии Павловне, импозантной и «породистой», что, видимо, более всего импонировало его матери, моей будущей бабушке Ольге Николаевне, род которой был записан в Пятой Гербовой дворянской книге. Для неё это было важным.

Но, как следовало ожидать, союз оказался очень непрочным. Прежний роман возобновился и повзрослел, чему способствовала дружба домов Чернышёвых и Вишневских, стоявших в Симбирске, окна в окна через площадь III Интернационала, бывш. Александровскую.

Оба мои деды вместе работали по конному делу, вместе ездили на охоту. Поселившись напротив друг друга, папа и мама «перемигивались» через площадь солнечными зайчиками и договаривались о свидании. Спустя много лет, уже на моей памяти, площадь обнесли забором, за ним расположился стадион «Спартак», но теперь «зайчики» были не нужны...

Чтобы возобновившемуся запретному роману открыться, требовался какой-то повод, толчок. Таким толчком стало моё появление на свет.

Это был 1929 год – год Великого перелома векового российского уклада хозяйствования крестьянина-собственника на его земле. Продолжали ломать и закрывать церкви, но меня по настоянию дедов, в особенности дедушки Григория Вадимовича, папного отца, успели окрестить в храме.

Всякие пересуды о женитьбе моих родителей кончились. Своим появлением на свет я соединил родителей навсегда. Папе не было 27-ми, а маме ещё не исполнилось 23-х. Папа, говорят, был хорош собою: отлично сложен, – как и мой дед, – статен,

силён (гнул пятаки), охотился, красиво ездил верхом и только что закончил Казанский ветеринарный институт. Видной была и мама, с румянцем во всю щёку и с косой, романтически настроенная, как «тургеневские барышни», она пописывала стихи и играла на пианино. С точки зрения самой родовитой в семье бабушки Ольги Николаевны, недостатком мамы было, вероятно, купеческое происхождение и, надо сказать, это «дворянское» презрительное отношение к торговле прочно коренилось в нашей семье всегда и отложилось и во мне, и в сестре.

После института отец был назначен участковым ветврачом в село Нагаткино. Жили мы в Нагаткине недолго – отец перевёлся к любимым орловским рысакам на конный завод в Стоговку, километрах в пятидесяти от Ульяновска.

Переезжали мы лошадьми. Мне было около полутора лет. Но этот переезд имел в моей жизни великое значение: он впервые «включил» мою память, и с этой поры, пусть отрывочно и смутно, я буду вспоминать то, что запомнилось мне самому.

Дорога шла пойменным лугом: поблёскивала вода озёрец и стариц, с мягкой дорожки слетали мелкие голубые и перламутровые бабочки, сосавшие сок влажной луговой колеи. Мы ехали на набитой свежим сеном фуре, запряжённой в дышло парой лошадей,

Рисунок Льва Нецветаева

мать держала меня на руках. Кто-то, сидя к нам спиной, правил лошаадьми, с их лоснившимися под солнцем потными крупами. Нас догнал ехавший верхом отец, протянул матери двух застреленных по пути уток. Я запустил в их прохладное плотное перо пальчики, и меня захватило, пронзило впервые сознательно ощутимое чувство радости, – первое из испытанных в жизни чувств. Вдруг включившаяся в работу память навсегда отложила основу того, что будет происходить в дальнейшем, всё, что так радостно поразило меня: цветущий летний день, яркие, словно промытые, краски зелёного луга и голубого неба, запахи сена и воды, болотных трав, птичий щебет, и – это чудо, явленное окружающим миром, великолепные птицы с красивыми зеркальцами на крыльях...

Ранняя память сохранила мне многие подробности жизни в Стоговке. Я помню наш дом с небольшой крытой верандой, широкие ступени с которой вели в палисадник, помню расположение комнат в доме и стоявшую в них мебель.

Года в полтора отец впервые посадил меня на седло. Но, не упускавший случая подшутить, посадил задом наперёд, лицом к хвосту. Я зорал, возмущённый насмешкой, – мне уже было известно, конечно, как ездят верхом. Положение было поправлено.

Близость к Ульяновску соблазняла родно навещать нас время от времени. Сообщение было только лошаадьми: ездили всегда на паре, запряжённой в дышло, но чаще с пристяжкой к кореннику в оглоблях. А когда зимняя дорога сужалась, лошадей приходилось запрягать одну за другой – цугом, или «гусем». Погода и тяжёлая дорога не всегда позволяли добраться в один день, не раз приходилось делать ночёвку. Не было, кажется, случая, чтобы кто-то из деревенских отказал нам в ночлеге, отказался поставить на отдых лошадей. Поволжские деревни никогда не отличались достатком. Жили скудно, но деревни были полны, изб с заколоченными окнами тогда не было. Самая крутая волна раскулачивания уже прокатилась, деревня трудно и неумело привыкала к яру коллективизации. Ещё сохранились ремёсла, отличавшие одну деревню от другой: в одной традиционно были хорошие плотники, в соседней – шерстобиты-валяльщики валенок,

в третьей – бондари и колесники, сапожники и т.д... В избы, где валяли валенки, мы заходили. В деревенской жизни всегда носили валенки, а отец (как-никак, на людях!) – более нарядные белые чёсанки (обычно с калошами, в конюшнях бывало сыровато) из мягкой чёсаной поярковой шерсти, похожие на фетровые. В избе, куда мы как-то зашли, было влажно и очень жарко, туманно от испарений, удушающе пахло серной кислотой. До пояса голые, два распаренных мужика в сумраке избы уваливали, уплотняли до нормальных размеров гигантский, распяленный на широком столе уродливый серый валенок. Так вот как, оказывается, они делают, наши валенки... У меня всегда вызывали интерес и любопытство деревенские мастера-ремесленники: кузнецы (почти в каждой деревне была кузница), портные-кепочники, сапожники, шорники (они всегда были в каждом конном заводе), плотники.

Деревни были другими, и другая текла в них жизнь. Почти в каждой за околицей зеленел конопляник, где росла высокая пахучая конопля – та самая, которая нынче стала запретной из-за пристрастия к ней наркоманов. А тогда из неё давили конопляное масло и делали верёвки, без которых не обойтись в любом хозяйстве. И никто не знал слова «наркота». Много было водяных и ветряных мельниц, издалека заметных своими мерно машущими крыльями, «журавлей» с висящими над колодцами вёдрами-бадейками. Околицы деревень обычно означались оградами с воротцами на въезде, а на углах изб или на верях дворовых ворот набивались жестянки с нарисованными на них топорами, вёдрами, баграми – с этими орудиями хозяева должны были являться на тушение пожара.

Другими были дети, другими были деревенские игры. Ни футбола, ни волейбола ещё не знали. Играли в прятки, в городки, часами играли в лапту, в козны (или бабки), на Пасху катали яйца-крашенки, играли в салки-догонялки, в «двенадцать палочек», в «чижа», в ножички... У меня, как и у всех деревенских, никогда не было столь обязательной ныне в городах детской коляски. Местные столяры-умельцы делали коляски, но совершенно другие: небольшая клетка из раскрашенных палочек на дере-

вянных колёсиках, в которой возили малыша, пока он не вставал на ноги, а когда начинал ходить – держался руками за эту «катучую» клетку и переступал за нею.

В летнее время как-то мы заночевали у костра. Что-то задержало наш отъезд из Ульяновска, и мы припозднились в пути. Я подрёмывал под мерное постукивание колёс. Солнце давно село, стало быстро темнеть. Отцу приглянулся лужок подле речки, только что выкошенный, с валками свежего сена. Решили тут и скоротать время до рассвета. Мне ещё не приходилось ночевать под открытым небом, всё было для меня разительным новым: влажные, утратившие дневной зной, таинственные сумерки, тёмные, теряющие у горизонта очертания борозд картофельные поля, над которыми светлела полоса заката, первые звёзды, проколовшие ещё не затухшее небо, и какая-то неясная тревога от того, что время людей кончилось, впереди ночь...

– Смотрите – волки! – позвал нас отец, собиравший у дороги что-нибудь годное для костра. Отец поднял меня на плечо, и я увидел две неясные тени, пересекающие на фоне зорьки чёрные картофельные полосы.

Волчья зорька! Много позднее я увидел удивительную картину художника Михаила Врубеля «К ночи» и поразился тому, что всё это, оказывается, было им уже закреплено на века...

Вскоре в семье у нас случилась неприятность. В анкетах о своём происхождении отец всегда писал «из крестьян» – ведь его дед по отцу Вадим Ефремович был действительно крестьянином, крестьянкой была и бабка Аксинья Михайловна. Но то, что он был из помещичьей семьи, многие знали, и некоторые из осведомлённых с удовольствием сообщали об этом «кому следовало». Очередной донос последовал из Стоговки. Отца арестовали, отправили в Ульяновск, а кое-какие вещи, в том числе наше старенькое мамино пианино «Шредер» описали, забрали и заперли пока в сарае. Потянулось тревожное, полное ожидания и надежд время... Отца тогда, по счастью, освободили, конфискованные вещи вернули, однако работать он после этого на Стоговском конном заводе № 29 уже не мог и постарался перевестись в Ульяновск на Госконюшню.